

УДК 338(470)(091)
ББК 65.9(2Рос)Г

Г. Г. Попов
*Московский технологический институт,
г. Москва, Российская Федерация*

ЭКОНОМИКА И ДЕМОГРАФИЯ «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ» (ответ Уве Хальбаху)

Аннотация. События 2014 г. на Украине активизировали обсуждение «русского имперского экспансионизма». Текущий конфликт с Украиной по поводу Крыма и «Донецкой республики» нередко ставят в один ряд с событиями XVIII–XIX вв. в Польше, на Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии и т. д. При этом конъюнктурная ангажированность часто входит в противоречие с научной объективностью. Для демонстрации объективной сложности и противоречивости того, что называют «экспансией Российской империи», рассмотрим некоторые экономико-демографические аспекты трагических событий XVIII–XIX вв. на Северном Кавказе.

Ключевые слова. Российская империя, русская колонизация, Кавказская война.

G. G. Popov
*Moscow Technology Institute,
Moscow, Russian Federation*

ECONOMY AND DEMOGRAPHY OF «CAUCASIAN WAR» (answer to Uwe Halbach)

Abstract. Events 2014 in Ukraine intensified discussion of the Russian Imperial expansionism. The current conflict with Ukraine over Crimea and «Donetsk Republic» often put on a par with the events of the XVIII–XIX centuries in Poland, the Caucasus, Transcaucasia,

Central Asia, etc. Opportunistic bias often comes into conflict with scientific objectivity. To demonstrate objective complexities and contradictions of the object is called «expansion of the Russian Empire», let us consider some economic and demographic aspects of the tragic events of the XVIII–XIX centuries in North Caucasus.

Keywords. Russian Empire, Russian colonization, Caucasian war.

Тени холодной войны у олимпийского огня

Когда закончилась «холодная война», в российском обществе была надежда, что мы сможем объективно исследовать прошлое. Но, очевидно, этой надежде не суждено сбыться в обозримом будущем. До сих пор научные исследования в России и на Западе создаются на основе конъюнктурных соображений и субъективного отношения авторов к тем или иным политическим и историческим процессам. Современные процессы в социуме «опрокидываются» в прошлое. Так можно сказать и о недавно опубликованной во Франкфурте статье Уве Хальбаха¹ о современных проблемах Северного Кавказа и их исторических корнях [10]. Эта публикация весьма показательна для понимания массовых и даже научных представлений на Западе об истории Северного Кавказа.

В своей статье Уве Хальбах поставил задачу показать непродуманность, как он считает, российской политики на Северном Кавказе в контексте Олимпийских игр в Сочи-2014. Однако большая часть его статьи оказалась посвящена истории российско-черкесских отношений в XVIII–XIX вв. У Уве Хальбаха четко прослеживается подход, направленный на упрощение истории Кавка-

¹ Уве Хальбах — профессор истории, один из ведущих в Германии специалистов по Новой и Новейшей истории России, в течение вот уже четверти века занимающийся изучением политики России на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. В годы конфликтов в Чечне выступал как один из активных противников политики, проводимой Россией в этом регионе.

за в новое время. Звучит рефрен: русская колонизация, геноцид черкесов, имперская экспансия. Буквально читаем: «В регионе, где Сочи, на берегу Черного моря, и где в феврале будут проведены Олимпийские игры, есть народ, который некогда составлял там большинство: черкесы. Его представители уничтожались или изгонялись российской армией в XIX в. в ходе кровавой завоевательной войны». А вот и другое, не менее радикальное его высказывание: «История Северного Кавказа с момента начала завоевания его царской Россией есть история насилия» [10]. Перед нами – хорошо знакомый читающей публике ультра-либеральный подход к изучению внешней политики России.

Такой подход опирается на некоторые историографические стереотипы, сформировавшиеся еще в СССР. История «присутствия» России на Кавказе изучалась в советский период в рамках сталинской концепции «меньшего зла», которую можно свести к тезису: если не Россия, то Турция. Нельзя сказать, что сталинская трактовка процесса образования территории Российской империи появилась исключительно на основе воззрений на русскую историю лично «товарища Сталина». В 1930-е гг. в Москве создавался мощный идеологический аппарат советской истории, направленный на образование монолита под названием «советское общество», в основание которого были положены во многом старые имперские трактовки исторического процесса России. Ведь концепция «меньшего зла» возникла именно в среде имперских историков еще в XIX в., став продолжением официальной доктрины формирования России как государства. Многие из этих историков продолжали работать в вузах и учить студентов и аспирантов и после 1917 г.

В рамках этой концепции русские земли постоянно вели оборонительные войны против кочевников и начавших их поддерживать в XVI в. турок. Оборона подразумевала и вынужденные наступления с целью

создания буферных зон в географически благоприятных регионах Восточной Европы. Кроме того, в XVI в. Россия возложила на себя миссию поддержки южных славян и закавказских православных народов против турецкой агрессии. Для решения задач по обороне от кочевников своих южных и восточных рубежей, а также для поддержки завоеванных турками или терпевших от них набеги православных, Россия вышла в середине XVI в. на Северный Кавказ, приобретя там союзников в лице нескольких кабардинских и черкесских князей.

В постсоветский период этот традиционный подход стал оспариваться. Не так давно вышла работа А. А. Зайцева [4], в которой опровергается стремление Турции к экспансии в Поволжье, а Московская Русь представлена как агрессор, который в пропагандистских целях изобрел теорию турецкого заговора. Примерно такого же мнения придерживается известный российский историк Э. С. Кульпин-Губайдуллин [6]. Вряд ли У. Хальбах знаком с работами упомянутых отечественных исследователей. В его статье скорее нашла отражение точка зрения на проблему российского «присутствия» на Кавказе нескольких поколений западных историков, которые, начиная еще с XIX в., весьма пристрастно анализировали «большую игру» в Азии. Немецкий исследователь, сравнивая положение черкесов с положением североамериканских индейцев, а ситуацию с черкесским вопросом в связи с Олимпийскими играми в Сочи с проблемой канадских индейцев в контексте Олимпиады в Ванкувере, поставил знак равенства между экспансией белых колонистов в Северной Америке и политикой России на Северном Кавказе. На наш взгляд, это – упрощенный подход к изучению сложных социальных процессов в прошлом, напоминающий сценарии американских боевиков времен холодной войны. Налицо традиционная для западных либералов концепция: большая империя совершает агрессию против маленького народа, отнимая у последнего землю и заселяя ее своими колониста-

ми (последнее, впрочем, необязательно). Рассмотрим же правомерность аналогии между экспансией белых колонистов в Северной Америке и конфликтом черкесов с правительством России, по мнению У. Хальбаха, спровоцированном, но уже русской колонизацией.

Колонизация или мухаджирство?

Понятие «колонизация» пришло в русский язык из английского языка. Историки и социологи стали обозначать этим термином практически все процессы, так или иначе похожие на то, что происходило на Западе в отношении Северной Америки и остальных регионов мира, куда отправлялись белые переселенцы. О том, что процесс движения русских и особенно казаков за пределы исторически сложившихся этнически чисто русских областей на национальные окраины империи и британская колонизация — отличаются принципиально, особо не задумывались. Даже консервативный русский историк С. Ф. Платонов поставил русское движение в Сибирь в один ряд с заокеанской колонизацией англичан, французов и других народов Запада.

На Северном Кавказе есть такое понятие как «мухаджирство», т. е. миграция. Мухаджирство было распространённым на Кавказе явлением со средних веков, оно и лежит в основе формирования многих народов Северного Кавказа. Поэтому, когда в пределах зон расселения горцев стали появляться русские поселенцы, это не было воспринято коренным населением как-то особенно болезненно. Ведь русские и другие имперские колонисты селились в основном в нейтральных полосах буферных территорий, располагавшихся между землями горцев и непосредственно казачьими территориями. Отметим, что мухаджирство было в не меньшей степени присуще и самим горцам, которые со своей стороны двигались в XVIII в. с юга на север. Только отличительной чертой их миграции было то, что они искали в первую очередь пастбища, в то время как русским

мигрантам нужна была пахота, пригодных земель для которой на Северном Кавказе было мало.

В XVI–XVII вв. Северный Кавказ сотрясли многочисленные кровавые войны, инициированные Персией и Османской империей, которые привели регион к демографическому кризису. К тому же в XVI в. на Северном Кавказе свирепствовала чума, от которой горцы вымирали целыми родами. Россия пыталась помочь черкесским и кабардинским княжествам, но безуспешно, так как сама погрязла в смутах и неурядицах. Однако Россия рассматривалась с тех пор частью черкесов и кабардинцев как возможный союзник против турок и персов. Эпидемии и опустошительные войны привели к тому, что к концу XVIII в. в предгорьях Северного Кавказа образовались многочисленные пустоши, превращенные царскими властями в буферные зоны. Одной из таких зон стала, например, территория нынешних Кавказских минеральных вод.

Следует подчеркнуть, что русская миграция (в основном казачья) жестко контролировалась государством, нося организованный характер. Но главным направлением миграции стало Закавказье, которое рассматривалось Санкт-Петербургом как главная цель политики на юге. Другая волна поселенцев размещалась на созданной еще Суворовым и Потемкиным Кавказской линии — полосе укреплений, шедшей от кубанских степей к Тереку. Кавказская линия состояла из 10 крепостей и до 1774 г. была предназначена для обороны Области Войска Донского и Астраханской губернии от возможных нападений крымских татар. В состав линии входили крепости: Екатерининская (Екатеринодар), Павловская, Мариинская, Георгиевская, Андреевская, Александровская, Северная, Ставрополь, Московская и Донская. Условной границей России с народами Северного Кавказа служили Кубань и Терек. Следует особо отметить, что это была также и граница кочевников с горцами. Собственно, к кочевникам дол-

гое время относились и казаки, которые рассматриваются некоторыми историками как принявшие православию потомки татар Золотой Орды.

В 1774 г. казаки после окончания войны с Турцией покинули все крепости Кавказской линии, и только усилиями Потемкина линия была восстановлена, на ней разместили Волжское казачье войско. Санкт-Петербург беспокоили набеги горцев на северный берег Кубани и неопределенность в отношениях с Крымом. Правый берег Кубани официально продолжал частично входить в состав уже вассального России Крымского ханства. Для приведения Северного берега Кубани в покорность России и размещения там казачьих станиц на месте ногайских кочевий на Кубань в конце XVIII в. прибыл знаменитый генерал А. В. Суворов. Но и после завершения миссии Суворова казаков предпочитали размещать по правому берегу Кубани, а также по левому берегу Терека. В 1783 г. русские перешли Кубанский рубеж с целью создания укреплений по защите бывших земель Крымского ханства на Тамани и южному берегу Азовского моря. В этой связи Потемкин распорядился переместить укрепленную линию к устью Лабы.

В 1792 г. на южный берег Азовского моря и к устью Кубани (напомним, бывшие земли Крымского ханства) были переселены запорожские казаки. С этого момента окончательно формируется Черноморская кордонная линия и двумя годами позже завершается формирование Кубанской кордонной линии¹. Территории к югу и западу от этих линий рассматривались русской стороной как земли Османской империи, хотя, кроме крепостей Анапы и Сухуми, они принадлежали султану чисто номинально. Практика размещения казаков на границе была нормальной для всего периода существо-

¹ Политические карты Северо-Западного Кавказа того времени см. на сайте, посвященном истории адыгейцев: <http://www.adygi.ru/>

вания Российской империи, являя собой одно из военных мероприятий, наносившее немалый ущерб казне.

Появление казаков в устье Кубани и образование Кубанской линии было связано с движением горцев во главе с имамом Мансуром, выходцем из Чечни. Осенью 1787 г. черкесы, отозвавшись на призывы Мансура выступить против русских, проиграли несколько сражений на Лабе. Имам Мансур рассматривал Черкесию как второстепенное направление в движении горцев против России, поэтому центр тяжести в его политике был сосредоточен вокруг Кизляра, крепости в Дагестане. Но, потерпев неудачу в Дагестане и Чечне, Мансур отправился в Анапу, откуда при поддержке турок надеялся продолжить борьбу с русскими войсками, уже опираясь на силы черкесских племен. Но в июне 1791 г. русские войска взяли Анапу, захватив в плен имама Мансура.

Проживали ли черкесы на южном берегу Азовского моря и в устье Кубани в конце XVIII в.? Ответ на этот вопрос для нас важен, так как дает возможность ответить на другой вопрос: столкнулись ли казаки с коренным именно черкесским населением в конце XVIII в. на землях бывшего Крымского ханства?

Миграции конца XVIII века: «встреча» русских и адыгских переселенцев

Крым при поддержке и по настоянию Порты совершал в XVIII в. частые походы против кабардинцев и адыгов. Отношения между крымскими татарами и народами Северного Кавказа были очень сложными, хотя представители рода Гиреев и правили некоторыми черкесскими (адыгскими) племенами в конце XVIII в. Так как границы на Северном Кавказе до прихода туда русских войск носили часто номинальный характер, то черкесские племена селились в большом количестве на восточных территориях Крымского ханства, иногда смешиваясь с татарским населением. Самым крупным

черкесским племенем, которое оказалось, судя по всему, первым на пути русской колонизации, были натухайцы, о которых до XIX в. было известно мало. В 1823 г. российский историк Кавказа С. М. Броневский упоминает северную границу расселения натухайцев южнее устья реки Кубань, где-то около Геленджика.

Первое географическое исследование Северо-Западной части Кавказа было проведено только в 1803 г., уже после первой Кавказской войны 1785–1791 гг. Опираясь на это исследование, С. М. Броневский приводит цифру численности и национального состава гарнизона Анапы в 1791 г., когда город был взят русскими войсками: 10 тыс. турок, 15 тыс. черкесов и других горцев. Мирное население Анапы состояло из 5 тыс. человек, по национальному составу преимущественно греков, армян и турок, проживавших в 2 тыс. дворах. Далее, согласно описанию С.М. Броневского, сделанному на основании исследования 1803 г. и более ранних рапортов русских военных, к северу от Анапы проживали адалинцы — одно из племен крымских татар, которые занимали берега Таманского лимана и были мирными рыбаками [1, с. 290].

Адалинцы пришли на Тамань после занятия Крыма русскими войсками, по всей видимости, в стремлении быть подданными султана, а не российской императрицы. Однако в другом месте С. М. Броневский ассоциирует адалинцев с адыгами, которых полагает частью черкесского народа. Эти адалинцы и дали название народу адыгейцев, что с черкесского означает островитяне, так как их предки издревле обитали на островах в устье Кубани [1, с. 137]. Очевидно, часть адалинцев когда-то переселилась в Крым, а оттуда в конце XVIII в. перебралась вновь на Тамань. Возможно, в состав адалинцев вошла часть крымских татар. Так или иначе, но описание хозяйственных занятий адалинцев на Тамани указывает нам на то, что земледелие и животноводство в устье Кубани в то время было очень за-

труднено, поэтому черкесское население там не могло быть многочисленным.

В 1837 г. генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг, выполняя специальное задание по составлению описания Кавказа, обнаружил северную границу расселения натухайцев в районе устья Кубани. Таким образом, в период между 1791 и 1837 гг. натухайцы не меняли зоны своего расселения, вплотную соседствуя с казаками. В этой связи возникает вопрос, была ли казачья колонизация Южного Приазовья сопряжена с вытеснением (пусть и неполным) натухайцев из устья Кубани? За дефицитом документов мы не можем однозначно ответить на этот вопрос. Но то, что власть не ставила такой задачи, вытекает из документов, о которых мы поговорим ниже. Как показывает описание района Анапы еще во времена военного присутствия там турок, для Северо-Западного Кавказа было характерно проживание разных народов в одних и тех же населенных пунктах, поэтому нередко трудно бывает точно определить границы расселения того или иного этноса в данном регионе.

Население Северо-Западного Кавказа, по С. М. Броневскому, было малочисленным, в Большой и Северо-Западной Абхазии, т. е., на территории от нынешнего Новороссийска до примерно Сухуми проживали 50 тыс. семей, причем, все они номинально являлись подданными султана. Закубанские черкесы насчитывали 35 тыс. семей, относясь также к населению Османской империи. Численность населения всего Кавказа была определена примерно в 3 млн. человек, исходя из средней численности одной семьи – 4 человека [1, с. 58–59]. Грубо говоря, по мнению российских исследователей эпохи Александра I, в Северо-Западной части Северного Кавказа проживало примерно 350–360 тыс. коренного населения.

После движения Мансура, которое было направлено как против русских, так и против собственной горской аристократии, продвижение русских колонистов вдоль северного берега Кубани не встречало ка-

кой-либо серьезной негативной реакции черкесского населения, которое располагалось преимущественно на турецкой стороне реки. Причиной тому были как успехи императорской армии в разгроме войска Мансура, так и в других войнах России на Северном Кавказе. В 1796 г. русские войска оказали помощь Грузии и Армении против Персии, чьи войска в 1795 г. взяли Тбилиси и Ереван, разграбив эти города. Русская армия тогда выбила персов из всех пунктов в Дагестане и очистила Азербайджан до Баку включительно от персидских войск. Несколько казачьих отрядов даже вторглись непосредственно в Северный Иран. Персы не решились дать генеральное сражение, бросив свои гарнизоны в Северном Азербайджане на произвол судьбы. Неизвестно, чем закончилась бы эта история, но в 1796 г. скончалась Екатерина II, и русские из Азербайджана ушли.

В 1798 г. снова возникла серьезная угроза для Грузии со стороны Ирана и его горских союзников на Северном Кавказе. Перед этим, весной 1797 г., 60 тыс. иранских воинов вторглись в Закавказье, взяли армянскую крепость Шушу, создав себе плацдарм для удара по Тбилиси. На этот раз царь Ираклий обратился к Санкт-Петербургу за помощью. В 1800 г. Грузия была официально включена в состав Российской империи, и геополитическая ситуация на Кавказе сильно изменилась в пользу России. Поход русских войск 1796 г. в Закавказье неоднозначно оценивается историками: одни видят в нем попытку Екатерины II завоевать Персию и весь Кавказ, другие — просто акт по защите союзника — Грузии [9, с. 56]. Мы полагаем, что верна последняя точка зрения. Ресурсов для похода было выделено слишком мало для серьезных боевых действий против персов, тем более в глубине территории Ирана. С. М. Броневский упоминает, что в 1798 г. русские войска защищали Грузию также и против горцев [1, с. 25]. Правда, не до конца понятно, были ли эти горцы союзниками персов, или они действовали по своему усмотрению? Но, так или иначе, мы

видим четкий мотив действий русских войск на Кавказе — защита грузин и армян.

Кроме того, в конце XVIII в. в Черкесии произошли события, повлиявшие на дальнейшую историю региона: натухайцы, шапсуги и абедзехи в 1795 г. изгнали своих князей, которые поехали в Санкт-Петербург просить военной помощи против повстанцев у Екатерины II. У России появился неплохой повод, чтобы занять Черноморское побережье Кавказа, тем более что позиции Турции там были сильно ослаблены после разгрома ее гарнизона в Анапе. Но российская императрица достаточно вяло отреагировала на черкесские события, предоставив в помощь местным князьям только сотню казаков и одну пушку; естественно, «княжеская» интервенция потерпела крах. Павел I вообще решил не вмешиваться в черкесские дела, предложив изгнанным князьям поселиться на российской стороне Кубани [7].

Установление среди достаточно многочисленных черкесских племен военной демократии вместо феодальной диктатуры, каковая была у них до восстания 1795 г., несомненно, должно было вызвать политические брожения в Северо-Западной части Кавказа. Однако во времена Александра I Черкесия была относительно стабильной страной, по сравнению с Чечней и Дагестаном. Как мы отметили выше, на Кавказе постоянно имело место движение «мухаджирства». После поражений в столкновениях с российскими войсками в конце XVIII в. черкесы стали просить у российских властей права переселиться на северный берег Кубани. Согласно всем географическим описаниям конца XVIII — начала XIX в. черкесы имели северным рубежом своего расселения устье Кубани. Вероятнее всего, далее, в сторону Азовского моря, они не предпринимали самостоятельных попыток продвижения до появления русских войск в регионе.

Мухаджирство не знало государственных границ, и мигранты были готовы принимать подданство того государства, куда они переселялись. У мухаджирства

были в основном экономические мотивы: во второй половине XVIII в. земли в горных долинах стало не хватать, что во многом спровоцировало движение имама Мансура. В 1785 г., получив разрешение графа Потемкина, несколько абазинских семей перешли Кубань и поселились на российской территории под Кисловодском (тогда — просто опорный пункт русских войск). Достаточно быстро это абазинское поселение достигло численности в 400 дворов (примерно 1 500 человек), 80 абазин приняли православие и были зачислены в казачье войско. В мае 1801 г. несколько абазинских, ногайских и кабардинских племен обратились к Александру I принять их в российское подданство [8, с. 13].

Александр I жестко придерживался еще политической линии своего отца Павла I не вмешиваться в дела горцев, не допуская переходов русскими войсками кордонной линии. Александр I предписывал хорошо обходиться с пленными и ни в коем случае не устраивать карательных экспедиций вглубь чужой территории (т. е. за кордон). Дело в том, что некоторые горские племена устраивали набеги с целью угона скота. Абазинские и ногайские отряды милиции совместно с русскими регулярными частями отражали эти набеги. В 1802 г. русским властям была дана инструкция всячески помогать абазинам в снабжении дровами, допуску к рыбной ловле и выпасам скота [8, с. 14–15]. Нормальные отношения между абазинами и русскими продолжались до начала репрессивной политики генерала А. П. Ермолова, имевшего личное негативное отношение к этому народу и к черкесам.

Миграции начала XIX в.: парадоксы русской колонизации

Если Санкт-Петербург стремился проводить политику притяжения черкесов на свою сторону (для чего даже было решено создать специальный торговый порт в Керчи, через который горцы могли бы торго-

вать с Россией), то А.П. Ермолов придерживался другой точки зрения. Он откровенно презирал кавказцев. Например, про абхазов генерал Ермолов писал: «Далеко я весьма думать, чтобы дикий и зверский народ абхазский мог совершенно повиноваться новому владельцу...». Грузинских князей Ермолов называл «уродливым исчадием безобразной феодальности» [8, с. 22].

А. П. Ермолов относился к числу русских вольнодумцев, воспитанных Великой французской революцией. Нет, своих крепостных крестьян Ермолов отпускать на свободу не собирался, но он был, как и его единомышленники-поклонники Руссо, обуреваем идеей переустройства мира через ускорение прогресса и уничтожение варварских пережитков. Для уничтожения этих варварских пережитков допускалось и уничтожение самих варваров. А. П. Ермолов обвинял абазин в симпатиях к туркам и в пиратстве на Черном море, хотя последнее вызывает сомнения. Он писал, что абазины могут захватить гавани абхазского побережья на своих лодках, что также сомнительно, учитывая господство русского военного флота на Черном море в то время. 10 октября 1822 г. Ермолов запретил абазинам селиться на российской территории. Началось охлаждение отношений между этим народом и русскими. Ермолов вообще не считал нужным развивать экономику Кавказского края, исключая заготовку леса в Абхазии для Черноморского флота [8, с. 20].

Запрет А. П. Ермолова на переселения абазин распространился и на черкесов. Проблема, конечно, заключалась не только в Ермолове, но и в имевшем место среди горцев явлении – грабительском уgone скота. Правда, нельзя сказать, что казаки не совершали грабежей горцев. Да и сам Ермолов признавал, что не все черкесы склонны к разбою. Однако при попустительстве высшего командования на Кавказе генерал-майор Власов, командир Кубанской линии, в 1823 г. совершил серию набегов на черкесские поселения, естественным

следствием которых стало образование в Черкесии мощной антирусской партии [8, с. 22].

Мы остановились, говоря о русской колонизации, на том, что в конце XVIII в. миграция казаков могла встретить слабое присутствие черкесов в устье Кубани. В 1790-е гг. переселение казаков за Кубань в ее нижнем течении вообще останавливается. Императорские власти имели планы заселения Натухайской земли, как именовалась территория между Геленджиком и Анапой. Однако эти планы вплоть до конца правления Николая I так и оставались планами. В 1844 г. была попытка переселить за Кубань все Азовское казачье войско. Предприятие провалилось, так как казаки отказались от переселения, желание изъявили только 667 человек.

Из письма князя Барятинского военному министру Сухожанету от 31 декабря 1856 г. выясняется, что русские за устьем Кубани контролировали только крепость Анапу. Правда, когда-то, как следует из письма, под Анапой существовала еще станица Благовещенская, но она была уже заброшена [8, с. 502]. Таким образом, до 1844 г. у русских властей даже не было планов колонизации земель за Кубанью. Лишь в конце 1856 г. такие планы снова созрели. Поэтому, едва ли можно говорить о русской колонизации земель черкесов как о серьезном социально-политическом явлении для периода конца XVIII – первой половины XIX в. Тем более, что русская колонизация на Северном Кавказе примерно до 1858 г. резко отличалась от белой колонизации Северной Америки.

Последняя носила стихийный характер, несмотря на попытки Британской короны в XVII–XVIII вв. придать порядок данному процессу. Георг III даже запретил белым поселенцам продвигаться далее Аппалачских гор, что стало одной из причин восстания 13-ти колоний (Американской революции). Индейцы Северной Америки (кроме жителей Южной Мексики) не имели опыта государственного строительства, они никогда не служили до этого в армиях, не имели

контактов с цивилизацией, редко имели примитивное земледелие, занимаясь преимущественно охотой, не знали лошади и колеса. Поэтому победа над ними европейцев и полный захват их земель последними был относительно легким делом. Ситуация на Северном Кавказе была принципиально иной.

Русская колонизация Северного Кавказа имела в основном военный характер. Попытки придать ей на государственном уровне тип экономической колонизации в значительной степени провалились. Русские колонисты часто уходили с Кавказа, столкнувшись с проблемами климата и малой пригодности горных почв для земледелия. Поэтому, например, азовские казаки категорически отказывались переходить Кубань для аграрного освоения Закубанских земель. Документы говорят о слабой русской колонизации Кавказа вплоть до 1860-х гг. С 1792 по 1830 г. официально российскими властями на Кавказ, включая Абхазию, было переселено 565 тыс. человек, в основном малороссийских крестьян и казаков. Однако по факту на 1830 г. в регионе Кавказа проживали всего 57 тыс. русских колонистов на обширной территории от Анапы до Кизляра и от Еревана до Ставрополя.

В начале 1831 г. российские власти были сильно обеспокоены малочисленностью русских поселенцев на Кавказе. Военный министр граф Чернышев в феврале 1831 г. потребовал объяснений у главнокомандующего кавказскими войсками графа Паскевича о причинах подобного положения с переселением русских на Кавказ. Ответ Паскевича интересен для нашего исследования во всех смыслах: причина провала колонизации заключалась, по мнению генерала, в том, что русским поселенцам выделялись земли на низменных берегах рек, где не жило коренное население, однако речные долины Кавказа были совершенно непригодны для земледелия, являясь, кроме того, источниками малярии и холеры. Хорошие, «плоскостные земли»,

были заняты туземным населением, поэтому русские там обосноваться не могли [8, с. 41].

Экономическому освоению русскими своих колоний мешала, по мнению Паскевича, политическая ситуация на Кавказе. Казаки часто отвлекались для несения кордонной службы на Кубанской линии, чтобы защищать степные земли от набегов горцев. Помимо этого казаки и крестьяне часто отправлялись в войска на русско-турецкой и русско-персидской границах. Все это отвлекало русских колонистов непосредственно от хозяйствования [8, с. 41]. Заметим, что о столкновениях колонистов с горцами говорится Паскевичем только в контексте непосредственно мероприятий по охране границы, т. е., Кубанского кордона. О столкновениях же в зонах колонизации в процессе расселения колонистов Паскевич ничего не пишет.

Теперь, вернемся к проблеме сравнения русской колонизации Кавказа до 1850–1860-х гг. и белой колонизации Северной Америки. Британские колонисты стремились захватывать лучшие земли; они не стали бы, как русские колонисты довольствоваться непригодными для проживания низинами рек, а просто выбили бы туземное население из горных долин. Правда, в других документах говорится о самозахватах русскими поселенцами земель, что произошло от отсутствия законодательного регулирования процесса межевания на Северном Кавказе. Однако речь в основном идет о поселенцах непосредственно в полосе кордонной линии [8, с. 48]. Российские власти даже в 1812 г. приостанавливали переселение русских на кордонную линию в силу отсутствия системы межевания, которая, будучи принята именно в этом году, плохо работала впоследствии.

Поскольку Россия была полуфеодальным государством вплоть до 1861 г., то и колонизация Кавказа носила соответствующий оттенок. Земли, принадлежавшие лояльным России князьям, считались неприкасаемыми и включенными в систему земельных отно-

пений Российской империи. В 1845 г. в Абхазию были направлены две крупные партии поселенцев из числа русских раскольников для размещения на землях абхазских и мингрельских помещиков [8, с. 52]. Правда, раскольники в Абхазии могли оставаться лично свободными людьми, живя при этом на юридически принадлежавших туземным помещикам землях, за что они обязаны были, по договору, отрабатывать в пользу этих землевладельцев трудовые повинности. В истории же колонизации Северной Америки не было фактов, чтобы британские власти обязывали белых фермеров отрабатывать повинности перед индейскими вождями. Индейцы не поступали на службу в армию США вплоть до Второй мировой войны. Можно назвать и другие различия в положении коренного населения Кавказа и Америки.

Российские власти даже в конце Кавказской войны (термин во всех смыслах некорректный, мы принимаем его лишь условно, для удобства изложения) надеялись на нормализацию отношений с горцами и их интеграцию в качестве земледельцев в империю. Для этой цели генерал-фельдмаршал и наместник на Кавказе князь Воронцов отвел 116 тыс. десятин земли для черкесов между станицами Вознесенской и Невинномысской на тот случай, если горцы решат прекратить боевые действия против русских войск и выйдут на равнины. Этой земли вполне могло хватить, чтобы прокормить около 1 200 семей, т. е., примерно 10 тыс. человек. Помимо этого были еще земли, отведенные для ногайцев, на возвращение которых из Турции надеялись российские власти. Еще летом 1857 г. отведенные для горцев и ногайцев равнинные земли оставались пустующими [8, с. 511].

Выше мы уже неоднократно говорили о границах расселения горских народов в начале русской колонизации Кавказа. Каким образом именно Кубань стала пограничной линией? Во-первых, были политические

обстоятельства — размежевание границ между Россией и Османской империей. Во-вторых, демографическая обстановка: Северо-Западный Кавказ насчитывал максимум 370 тыс. туземных жителей, говоривших в основном на адыгских диалектах.

Демографическая северная граница горцев достаточно ясно прослеживается по ряду документов. Например, основанная в районе Кисловодска шотландская миссия в декабре 1806 г. расположилась частично на пастбищных территориях абазинцев с их согласия. Учитывая, что часть земель миссии все-таки была получена за счет исключительно российской территории [8, с. 47], а абазинцы сами были к этому времени колонистами в этом районе Северного Кавказа, то можно сказать, что Кавказские минеральные воды были пограничной территорией, своего рода буферной зоной между горцами и русскими. Буферный статус Кавминвод вытекает из договора между Россией и Кабардой о вхождении последней в состав империи, где четко указано, что Бештау находится во владении кабардинских черкес, правда, территория эта, как и положено приграничным областям того времени, была слабо заселена.

Императорские власти прекрасно понимали опасность колонизации непосредственно в зонах расселения горцев. Поэтому уже немецкая колония, выведенная из Саратова на Кавказ, должна была быть размещена в Азербайджане, на границе с Персией, но не в Кавминводах, как того хотели немцы (базельские колонисты). К тому времени абазинцы уже выражали недовольство появлением рядом с ними шотландцев, которые вели религиозную пропаганду среди мусульман, что и вызвало раздражение горцев. Правда, немцы не подчинились и самовольно поселились в пределах шотландской колонии. А. П. Ермолов после долгих разбирательств возникшего по этому поводу конфликта решил все-таки оставить немцев в Кавминводах [8, с. 47–48].

«Ногайский вопрос» как предшественник «Черкесского вопроса»

Но только ли численность горских народов была причиной образования именно тех демографических границ, какие мы встречаем на Кавказе в конце XVIII – начале XIX в.? Конечно, нет. Выше мы говорили о том, что в предгорьях Северного Кавказа целые века доминировали кочевники. Периодически волны последних накатывали на Северный Кавказ, заставляя предков черкесов отступать в горные долины. В XVII в. на берегах Кубани прочно основались ногайцы, образовав так называемую Кубанскую орду, подчинявшуюся крымскому хану. Кубанские ногайцы были главной военной силой Крымского ханства на Северном Кавказе, или Черкесском бейлике (наместничестве хана). К востоку от Кубани в степных предгорных зонах вплоть до Каспийского моря жили караногайцы, которые в 1722 г. присягнули Петру I, что определило и границу России по Тереку, и появление русского административного центра в Кизляре.

Выше было сказано, что Бештау было признано Россией кабардинской территорией. Однако Пятигорье оставалось во владении Крымского ханства вплоть до поражения крымских татар (ногайцев) на берегах Кумы в 1770 г., когда Пятигорье было присоединено к России и передано в Кабардинское приставство, т. е., уже российскую административную структуру. Понимая то, что русским будет сложно удержать территорию, которая веками принадлежала тюркским кочевникам, Екатерина II решила уничтожить в регионе Пятигорья само упоминание его ногайской принадлежности, приказав властям заселить эту землю кубанскими народами, т. е., черкесами, которые платили дань кабардинским князьям, являвшимися подданными российской императрицы [2, с. 72].

Во время русско-турецкой войны 1736–1739 гг. российские власти после вторжения русских войск на

Кубань, в пределы бывшей Малой Ногайской орды, устроили насильственное переселение к низовьям Терека, т. е., на российскую территорию. Переселение было масштабным. Вскоре после окончания войны с Турцией, в 1740 г., шесть тысяч семей ногайцев самовольно бежали с Терека назад, на Кубань, еще часть депортированных ногайцев предпочла уйти в Кабарду [2, с. 41]. Таким образом, в середине XVIII в. на Кубани мы видим коренное ногайское население, как и на Тереке. Правда, в районе Пятигорья постоянные поселения ногайцев, «лояльных» России (т. е., из числа депортированных) появились в 1769 г. Примерно тогда же там появились и первые абазинцы и кабардинцы, расселявшиеся по указу Екатерины II.

В 1771 г. русские войска осуществили переселение масс крымских татар (ногайцев) из Северного Причерноморья на Кубань. Всего были выведены 80 тыс. ногайцев, которые даже получили на берегах реки Еи что-то вроде автономии с широкими правами. Это переселение хоть и носило вынужденный характер, но все-таки было во многом добровольным. Лояльных к России причерноморских ногайцев, или «ногаев бывшей Большой орды», поселили на место нелояльных «ногаев Малой орды». Екатерина II так дорожила новыми союзниками в лице ногайских поселенцев на Кубани, что даже позволила им номинально, согласно положениям Кючук-Кайнаджарского договора, остаться в составе Крымского ханства. Правда, всем было понятно, что это — чистая формальность, поскольку Крымское ханство уже доживало свои последние дни. К тому же, проживавшие официально в составе Крымского ханства в низовьях Кубани ногайцы остались в то же время под протекторатом России, что определило двойственный юридический статус всего Правобережья Кубани.

Даже после подписания Константинопольского договора 1783 г., когда Крымское ханство уже Турцией было объявлено прекратившим свое существование, а

его земли на Кавказе были поделены по реке Кубань между Россией и Османской империей, юридический статус кубанских ногайцев оставался неясным. Как таковой границы по Кубани не было, поэтому массы ногайцев стали переселяться на ее левый берег. По законам того времени, подданными Российской империи считался тот, кто присягнул ее императору/императрице. Ногайцы не имели такой присяги, поэтому в июне 1783 г. командующий Кубанским корпусом А. В. Суворов в срочном порядке привел ногайцев на реку Ее к присяге, но только для того, чтобы получить юридическое право для переселения их на Урал, как указывали императорские власти, на историческую родину.

Ногайцы были группой народностей, являвшихся потомками половцев (кыпчаков) и монгольских завоевателей, появившихся с Батыем в Поволжье и затем в Северном Причерноморье в XIII в. Российские власти ошибочно ассоциировали ногайцев только с монголами, хотя потомки последних составляли среди них незначительную часть. Впрочем, Екатерине II такая трактовка истории происхождения ногайцев была удобна, ей необходимо было очистить Северное Причерноморье и Кубань от кочевников, долгое время воевавших с Россией. Часть ногайцев все же осталась на территории Кавказской губернии, хотя немало погибло в ходе неудачной попытки бежать в пределы кубанских владений Османской империи, часть переселена на Урал, а часть через Крым все-таки ушла в Турцию. Кубанские степи обезлюдели после летней трагедии 1783 г.

Демографическая ситуация на Кубани стала столь сложной, что Екатерина II предписала жестко пресекать все попытки ногайцев бежать к туркам. Однако российская императрица действовала не только «кнутом», но и «пряником» и 22 февраля 1784 г. все татарские (ногайские) князья и мурзы были внесены в имперские дворянские списки [5]. Возможно, эта мера

помогла русским войскам во время отражения турецкого вторжения 1790 г. на Кубань, когда ногайцы не поддержали османов. Против 50 тыс. турок и черкесов тогда действовал только один сводный отряд генерала Германа в составе 3600 человек.

В 1790 г. левобережные, или «османские ногайцы», приняли российское подданство и перешли на правый берег Кубани, но только лишь за тем, чтобы быть постепенно переселяемыми российскими властями вглубь Кавказской губернии, подальше от турецкой границы. Мы знаем точное число ногайских семей, живших в конце XVIII в. в Пятигорье, — 5 342, что позволяет предположить существование 25–30 тыс. кочевников в этом районе. В Закубанье оставалось около 5 тыс. семей ногайцев [5] — внушительное по тем временам количество, если учесть все войны и депортации. На освобожденные после выселений ногайцев земли российские власти селили казаков. Таким образом, демографической основой правого берега Кубани и, вероятнее всего, Пятигорья в конце XVIII в. были ногайцы. Именно ногайцы пострадали в результате действий российских властей в Прикубанье, и российско-ногайский конфликт, протекавший в контексте российско-крымского конфликта, определил северную демографическую границу черкесских народностей.

Моздокский конфликт — мнимое начало Кавказской войны

В начале своей статьи Уве Хальбах указывает на 1763 г. как на дату начала Кавказской войны, тогда, как он пишет, российские войска вторглись в Кабарду. Соответственно, по Хальбаху, эта война длилась почти сто лет, завершившись победным парадом российских войск в Красной Поляне в 1864 г. Такая датировка соответствует бытовавшему до Второй мировой войны обывательскому представлению русских о времени начала Кавказской войны, которое не соответствует историческим реалиям, т. е. не научно.

Что же произошло в 1763 г. в Кабарде и рядом с ней? Согласно Белградскому мирному договору 1739 г., Россия и Турция не имели права вмешиваться во внутренние дела Кабарды, эта страна была объявлена нейтральной. Но турецкая сторона через Крымское ханство (своего вассала) нарушило условия договора: в 1747–1749 гг. кубанские ногайцы (подданные крымского хана) совершали набеги на Кабарду с целью захвата рабов. В 1750 г. официальный Санкт-Петербург обратился с нотой протеста к Турции, указав, что крымский хан через своего наместника на Кубани склоняет племена кабардинцев к переходу под власть Османской империи. Россия указывала и на произвол, который творил крымский хан по отношению к кабардинцам, склоняя тех через набеги ногайцев к переселению на территорию своего государства. В 1758 г. часть кабардинских князей вступила в военный союз с Россией, совершив совместный с русскими поход в Прикаспие [3, с. 338–339].

В это же время в Кабарде разгорелась гражданская война, вызванная, по всей видимости, ростом населения и дефицитом земли. Ряд кабардинских князей обратился к России с просьбой разрешить им поселиться в пределах области Моздок. Моздок переводится с кабардинского как «дикий лес». Много лет это была буферная зона между горцами и степными кочевниками (преимущественно калмыками), границы государства которых вплотную подходили к верховьям Терека. В декабре 1762 г. российские власти дали разрешение на переселение. Кабардинцам-переселенцам, желавшим креститься, выдавалось единовременное пособие на обустройство в 40 р., знатым кабардинцам, желавшим остаться мусульманами, — 30 р., простым крестьянам — по 5–10 р. [3, с. 339].

История с переселением кабардинцев область Моздок вызывала недовольство части кабардинских князей, к которым обратился крымский хан, обещав кабардинцам военную помощь в их борьбе против

России на Тереке [3, с. 339]. Между Россией и Турцией назревал новый военный конфликт, поэтому крымский хан вел себя достаточно смело, надеясь на военную поддержку Османской империи. С приходом к власти Екатерины II ситуация вокруг Моздока усложнилась. По ее приказу туда начали переселять казаков (правда, их община там была тогда еще небольшой), помимо этого, российскими властями была сооружена крепость. Чтобы обеспечить казаков землей, российские власти забрали у кабардинских поселенцев часть их земель вокруг уже крепости Моздок. Это вызвало недовольство как местных кабардинцев, так и тех, кто жил в Большой Кабарде. Начались нападения на крепость Моздок, правда, не принесшие удачи горцам. Однако ни о какой большой войне с вовлечением больших масс кабардинцев речи не шло.

Когда в 1769 г. началась очередная война России с Турцией, значительная часть кабардинских князей оказалась на стороне русских, кроме того, часть из них вместе со своими подданными принесли присягу Екатерине II [3, с. 340]. Несмотря на потепление отношений с кабардинцами, российская императрица напрочь отказалась срыть крепость Моздок, как того требовали кабардинские князья. Эта крепость была вторым ключевым пунктом оборонительной линии России на Северном Кавказе после Кизляра. События вокруг строительства крепости Моздок и предыдущей колонизации области Моздок (1762–1763) кабардинцами едва ли можно назвать началом Кавказской войны. Во-первых, в конфликт были вовлечены в основном местные кабардинские поселенцы, многие из которых уже являлись подданными Российской империи. Во-вторых, никаких серьезных политических изменений даже в рамках региона Кабарды после этих событий не последовало. В-третьих, из переговоров Екатерины II с кабардинскими князьями становится понятен один из центральных мотивов конфликта вокруг Моздока — уход из Кабарды

в российское подданство крепостных кабардинских феодалов. В этой связи российская императрица пошла на уступку, разрешив кабардинским князьям возвращать своих беглых крепостных из области Моздок [3, с. 341].

Тем не менее, некоторые представители черкесской интеллигенции сегодня в России считают Моздокские события 1763 г. началом Кавказской войны. Однако стоит определить, какие события и почему вообще следует относить к Кавказской войне. Если следовать логике У. Хальбаха, рассматривающего факт появления русских войск в Моздокской области как начало войны России с горскими народами Кавказа, то почему бы началом последней не считать поход армии Петра I в Дагестан в 1722–1725 гг. как имевший куда более серьезные последствия – создание русского опорного пункта в Кизляре с выходом границ Российской империи на реку Терек? Можно назвать и 1721 г., когда русские войска с целью помощи кабардинцам в их борьбе с Крымским ханом прошли маршем из Астрахани до Терека. Кстати, именно кабардинские князья просили у Петра I построить на Тереке крепость для отражения крымско-турецкой агрессии [3, с. 333].

Историк К.Ф. Дзамихов считает поворотным пунктом в российско-кабардинских отношениях, Кючук-Кайнаджарский мирный договор от 10 июля 1774 г., согласно 21 пункту которого вся Кабарда фактически признавалась Турцией как часть России, хотя уже 1 ноября 1772 г. Россия в одностороннем порядке признала российское подданство кабардинцев [3, с. 341]. По мнению историка, Кючук-Кайнаджарский договор окончательно развязал руки российской монархии в проведении экспансии и колонизации в Кабарде. Однако, как мы указали выше, Россия даже в конце правления Екатерины II ограничивала колонизацию правым берегом Кубани, Павел I вообще предпочитал не вмешиваться в дела Северо-Западного Кавказа, этой же политической линии старался придерживаться и Александр I. Поэ-

тому Кючук-Кайнаджарский договор можно считать лишь очень условной политической вехой в развитии экспансии России на Северный Кавказ.

Не «Кавказская война», а «Кавказские войны»!

Мы считаем, что войн на Северном Кавказе было несколько, да и сам термин «Кавказская война» стал продуктом достаточно непродуманной политической пропаганды противников официального Санкт-Петербурга внутри самой Российской империи. Советские историки, проводя линию осуждения политики царизма, утвердили этот термин в российской историографии, что обеспечило дополнительный повод для интерпретации событий на Кавказе в XVIII–XIX вв. как завоевание горских народов Россией. Если следовать логике У. Хальбаха о столетней Кавказской войне и начинать отсчет этого конфликта с 1721 г., то следует признать участниками Кавказской войны Османскую империю и ее вассала — Крымское ханство. К ним можно добавить и Персию, которая привлекла на свою сторону в конце XVIII в. часть горцев Северного Кавказа. При таких хронологических рамках Кавказской войны главным агрессором, спровоцировавшим этот многолетний конфликт, становится Османская империя.

В 1708 г. Кабарда отказалась платить дань крымскому хану рабами, после чего началась крымская агрессия против кабардинцев. Под давлением этого обстоятельства кабардинский князь Асланбек Кайтукин и обратился к России за помощью [3, с. 333]. Может быть, стоило бы 1708 г. считать началом Кавказской войны? Нас могут обвинить в «пропаганде» сталинской концепции «меньшего зла», на которую ссылается У. Хальбах. Приписываемая Сталину, концепция появилась, однако, много раньше, став идеологическим базисом внешней политики на Востоке еще Московской Руси. Само понятие «меньшего зла» применительно к Северному Кавказу в начале XXI в. имеет только историко-

софский характер. Разумеется, советские историки при Сталине драматизировали конфликт Турции с народами Северного Кавказа, однако определенно нельзя сказать, что отношения кабардинцев с турецким султаном были хорошими. То, что Турция стремилась завоевать Северный Кавказ, — факт, который едва ли будут сегодня отрицать, как и факт неоднократного обращения кабардинских князей за помощью к России.

Мы считаем, что сам термин «Кавказская война» не корректен в том контексте, в каком он был представлен в советской историографии, не отражая реалий событий на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Было бы правильнее говорить о серии конфликтов, распадающихся на войны России с черкесами, конфликты с Кабардой, войны России в Дагестане и российско-чеченские конфликты конца XVIII — первой половины XIX в. Хотя, конечно, такое дробление можно рассматривать как условное, но все-таки близкое историческим процессам, какие проходили на Северном Кавказе в указанный период. Сам же термин «Кавказская война» следует рассматривать исключительно как явление, когда в противостояние с Россией одновременно оказывались втянутыми, как в конфликт с общим противником, разные горские народы на протяжении всего Большого Кавказского хребта. Именно такой Кавказской войной можно считать движение имама Мансура в 1785–1791 гг. — назовем это *Первой Кавказской войной*. К периоду между 1840 и 1859 гг. относится *Вторая Кавказская война*, когда во время антироссийского выступления черкесов в 1840 г. имам Шамиль установил контакты с народами Северо-Западного Кавказа и пытался согласовывать с ними военные операции против России [8, с. 72–73].

Тема геноцида

Теперь остановимся на важном вопросе — вопросе геноцида. Свои выводы У. Хальбах делает на основе гипотетических подсчетов, сделанных российским исто-

риком XIX в. Адольфом Берге, ныне практически забытым исследователем. При этом У. Хальбах просто цитирует А. Берге, надо понимать, соглашаясь с последним и присоединяясь тем самым к мнению о массовой гибели черкесов в результате действий императорских войск. Со ссылкой на А. Берге У. Хальбах приводит цифры: 400 тыс. убитых, 497 тыс. депортированных черкесов. Правда, непонятно, за какой период берутся данные. Но, не суть, — такой численности черкесы никогда не достигали за все время присутствия властей Российской империи в пределах территорий своего проживания и около них. К данным, приводимым российскими историками XIX в., следует относиться крайне осторожно, имея в виду их вовлеченность в революционное движение и политику. Достоверность приводимых У. Хальбахом цифр со ссылкой на А. Берге и цитирующего его британского журналиста Оливера Буллоха вызывает серьезные сомнения, заставляющие обратиться к документальным свидетельствам.

Выше мы уже приводили данные о народонаселении Северо-Западного Кавказа за 1810 г., полученные российскими географами и военными. Черкесов в первой четверти XIX в. было не более 150 тыс. человек (35 тыс. семей). Правда, вероятно, географами тогда брались в расчет и не принадлежавшие черкесам поселения, например, ногайские села. Кроме того, российские исследователи учитывали все население Северо-Западного Кавказа, от современного Новороссийска до Сухуми, куда, разумеется, были включены и абхазы, но и с ними численность населения регионов Северо-Западной и Большой Абхазий составляла при Александре I максимум 250 тыс. человек (50 тыс. семей).

В детальном анализе численности и состава народонаселения Северо-Западного Кавказа, сделанном генералом Ф. А. Бековичем-Черкасским и полковником Г. Х. Гасфордом в 1830 г. содержатся, на наш взгляд, более точные сведения по демографической ситуации

у черкесов. Российские военные со свойственной им педантичностью приблизительно (точные данные они собрать не могли из-за того, что многие черкесы не пускали в свои аулы русских) на основе показаний пленных и перешедших на русскую службу горцев определили численность семей черкесов — 33 900 [8, с. 285]. С учетом того, что в среднем, как мы сказали выше, семья горцев насчитывала четыре человека, то получаем 135 600 человек для Северо-Западного Кавказа без учета Абхазии в современных границах и уже переселенных к тому времени в пределы кордонной линии горцев. Наиболее многочисленными были шапсуги — 12 тыс. семей, абадзехи — 8 тыс. семей и натухайцы — 6 тыс. семей. В целом, эти данные согласуются с приведенными у Броневского сведениями о численности черкесов.

Как было указано выше, события 1763 г. являлись рядовым пограничным конфликтом из-за области Моздок, в заселении которой также, с согласия России, участвовали и кабардинцы. Черкесы в этот конфликт, естественно, вовлечены не были, так как он протекал далеко за пределами их территории проживания. События вокруг крепости Моздок нельзя назвать геноцидом. В конце XVIII в. Российская империя проводила на правом берегу Кубани политику вытеснения ногайцев и заселения ранее занятых ими земель казаками. К черкесам этот процесс также никакого отношения не имел. Кроме того, Россия активно привлекала черкесов к заселению региона Кавказских минеральных вод, что совершенно противоречит концепции геноцида. Зато политика Крымского ханства, поощряемая Османской империей, действительно угрожала кабардинцам и черкесам геноцидом, если вспомнить хотя бы требования крымского хана к кабардинским князьям платить ему дань юношами и девушками. Добровольное же переселение части черкесского народа в Турцию еще не говорит в пользу геноцида. Если и здесь следовать логике У. Хальбаха, то массовые миграции немцев из Германии

в XIX в. были также следствием геноцида Прусского королевства (и Бисмарка, в частности) против немецкого народа. Надо сказать, что мотивом покинуть свою страну у многих немцев был действительно политический протест. Аналогично можно порассуждать об иммиграции ирландцев в Северную Америку и о многих других схожих процессах в Европе XVIII–XX вв.

У. Хальбах представил иммиграцию черкесов в Турцию как классическое изгнание побежденных со своей земли. Напрашивается сравнение с судьбой судетских немцев или немцев из Восточной Пруссии после Второй мировой войны. Здесь У. Хальбах повторяет советскую версию исхода черкесов с Северного Кавказа, составленную на основе поверхностных исследований этого вопроса историками Российской империи начала XX в. На самом деле массовый отъезд черкесов в Турцию, а отнюдь не изгнание, начался еще в 1840-е гг., сразу после знаменитого восстания 1840 г. Он носил упорядоченный характер и происходил только с разрешения властей и через конкретные порты на российских кораблях; пользоваться турецкими судами категорически воспрещалось. Согласно подсчетам Военного министерства Российской империи, в период с лета 1856 г. по лето 1861 г. в Турцию навсегда иммигрировали под видом хаджа свыше 100 тыс. горцев [8, с. 86]. Исход шел в основном с равнин, на которые в свою очередь насильственно переселялись горцы. Сколько черкесов выехало в Турцию до 1856 г., точно не известно. Если принять во внимание, что черкесов в 1830 г. было около 135 тыс. человек, то исход даже почти 100 тыс. горцев между 1856 и 1861 гг. должен был подорвать демографическую базу черкесов. Горные ногайцы в 1830 г. уже были малочисленны, поэтому их исход в Турцию едва ли мог внести крупный вклад в общий масштаб иммиграции.

Российские власти опасались горных аулов, считая их источником снабжения антироссийских военных сил. Поэтому после Крымской войны на Северо-Запад-

ном Кавказе стала проводиться политика выведения населения с гор на равнины, что мирным путем до этого думал сделать князь Воронцов. Однако эта политика империи стала одним из главных мотивов для иммиграции в Турцию. В начале зимы 1861 г. нескольким родам абазин было предложен выбор — отправиться жить на равнину либо отъехать в Турцию. Многие выбрали последнее [8, с. 86].

В 1857 г. правительство империи впервые серьезно задумалось о колонизации Северного Кавказа русскими. Однако составление плана и его реализация в жизнь была поручена русским военным, не имевшим до этого успешного опыта в колонизации. В письмах и рапортах генералов прямо говорится, что казаки не желали переселяться за кордонную линию. Разработку плана поручили начальнику Главного штаба Кавказской армии генерал-майору Д. А. Милютину. Русский генерал предложил переселить черкесов на земли Войска Донского, а с Кубанской линии переселить на их место несколько десятков тысяч казаков. При этом Милютин предложил гуманное переселение: да, он высказался за создание резерваций на Дону для черкесов, но при этом считал, что сделать это надо не так негуманно, как это делает правительство США с индейцами.

План Милютина, однако, встретил противодействие со стороны специально созданного по «черкесскому вопросу» комитета из состава высших российских чиновников. Комитет постановил, что предложения Милютина противоречат высказанному в 1856 г. Александром II мнению о необходимости примирения с горскими народами [8, с. 95]. В случае выполнения плана, как заключил Комитет, война на Кавказе приобретет форму полного истребления коренного населения, так как черкесы никогда не согласятся на переселение в резервации. Члены комитета сочли сравнение горцев Кавказа с индейцами Северной Америки недопустимым. В итоге Комитет сошелся на про-

грамме-минимум: на Черноморское побережье Кавказа и прилегающие к нему территории предполагалось переселить в течение 1858 г. 1 200 казачьих семей, разместив их в четырех станицах. И на этом — все.

Понятно, что намерения официального Петербурга часто коренным образом отличались от политики российских властей непосредственно на Кавказе. Русские генералы в 1861–1862 гг. начали наступление на горцев Северо-Западного Кавказа, имея одной из целей казачью колонизацию территории между реками Лабой и Белой. Судя по рапортам о результатах действий, поставленные задачи русскими военными с весны 1861 по весну 1862 г. достигнуты не были, в том числе в силу политической позиции самого Александра II, который лично прибыл на Кубань для ведения переговоров с черкесскими старейшинами. Эти переговоры не принесли результатов, поскольку, как стало понятно в их ходе, депутаты от черкесов представляли партию примиренцев, а не всех горцев. Правда, российская сторона пошла на уступки, отдав аманатов (заложников), не получив, надо сказать, в ответ удовлетворения требования выдать пленных русских [8, с. 571–572].

Главным мотивом наступления на черкесские земли российских войск стало стремление обеспечить защиту побережья от возможного в дальнейшем вторжения турок, каковое имело место во время Крымской войны (турки тогда взяли территорию от Сухума до Анапы, создав серьезную угрозу для всей Кавказской линии). Поэтому российские власти и стали разрабатывать планы колонизации Закубанского края в спешном порядке именно в 1857 г. Надо отметить, что натухай не оказали сопротивления российским войскам, пропустив их через свою территорию. Не воевали с Россией и абхазы. Что касается остальных, то наиболее упорное сопротивление оказали шапсуги. Абадзехи колебались, не предпринимая решительных действий,

среди них существовало разделение на примиренцев и антирусскую партию.

Что касается потерь в ходе боевых действий, какие несли черкесы, то нам сегодня трудно их определить точно, так как русские офицеры редко оставляли в рапортах сведения о потерях коренного населения. Вместе с тем, надо отметить, что столкновения происходили не только между черкесами и русскими военными, но также между лояльными России горцами (в частности, кабардинской милицией) и черкесами. Вопрос военных потерь, поэтому, требует отдельного рассмотрения, поскольку выходит за рамки изучения как миграций на Северном Кавказе, так и официальной политики российских властей в отношении горцев. Следует принять во внимание и потери черкесов, участвовавших в боевых операциях на стороне Турции в 1854–1856 гг. на Северном Кавказе, хотя это потери уже в другой войне. Заслуживает отдельного изучения и массовый исход черкесов и абхазов в Турцию, связанный с последовавшими за уходом турок с Черноморского побережья Кавказа в конце Крымской войны репрессиями против помогавших им горцев.

Анализ же экономико-демографических аспектов интеграции Северного Кавказа в Российскую империю позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, хотя «экспансия» России на Северном Кавказе длилась почти полтора века (с 1720-х до 1860-х гг.), «кавказские войны» в собственном смысле этого слова (противостояние империи с «единым фронтом» разных кавказских народов) продолжались лишь примерно 25 лет (во время движений шейха Мансура и Шамиля). Во-вторых, на протяжении почти всего периода «экспансии» (видимо, за исключением 1860-х гг.) русская колонизация Северного Кавказа имела очень ограниченные масштабы и отнюдь не приводила к систематическим столкновениям колонистов из России (не только русских) и кавказских народов. К тому же, в районах побережья

многие кавказцы сами были недавними мигрантами, переселившимися на эти земли, «освободившиеся» при распаде Крымского ханства. И, в-третьих, «геноцид адыгов» не подтверждается статистическими данными, но, повторимся, вопрос непосредственно боевых потерь мы не анализировали, но именно боевые потери к геноциду не относятся. После 1840 г. наблюдалось массовое переселение черкесов в Турцию, происходившее преимущественно по инициативе самих черкесов, предпочитавших быть подданными исламской, а не христианской страны. В то же время следует признать факт принуждения русской администрацией к переселению горцев на равнины, что было обусловлено в первую очередь соображениями военной безопасности. Имели место также факты насильственной депортации части горцев в начале 1860 гг. в Турцию, что происходило, однако, после принятия самими горцами решения покинуть свои земли. С позиции современных гуманитарных норм, конечно, российским военным и гражданским администраторам XIX в. можно предъявить определенные упреки (причем, больше по «ногайскому», нежели по «черкесскому вопросу»). Однако их действия выглядят в целом гораздо гуманнее, чем современная им политика Северо-Американских Штатов по отношению к индейцам или Великобритании по отношению к ирландцам.

Список использованной литературы

1. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / С. М. Броневский. — М. : Тип. С. Селивановского, 1823. — Ч. 1. — XXXI, [1], 352, [10] с.
2. Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: Извлечения / Бутков П. Г. — Нальчик, 2001. — 360 с.
3. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории / К. Ф. Дзамихов. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 816 с.
4. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом : Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.) : очерки / И.В. Зайцев. — М. : Рудомино, 2004. — 216 с.

5. Кипкеева З. Б. Конец Ногайской орды: миграции и расселение на Северном Кавказе / З. Б. Кипкеева // Новый исторический вестник. — 2006. — № 15. — С. 5–15.
6. Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства / Э. С. Кульпин. — М. : КомКнига, 2007. — 176 с.
7. Максидов А. А. Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Максидов. — Нальчик, 2001. — 171 с.
8. По обе стороны Большого Кавказа : сб. док. (1-я пол. XIX в.) / авт.-сост. М. Х. Экзеков ; отв. ред. Н. Емельянова. — М. ; СПб. ; Н. Новгород : Питер, 2012. — Т. 1 : Государственная политика и миграционные процессы: абазины и «черкесский» вопрос. — 603 с.
9. Шишов А. В. Схватка за Кавказ, XVI–XXI вв. / А. В. Шишов. — М. : Вече, 2007. — 480 с.
10. Halbach U. Sotschi und die «tscherkessische Frage» // Frankfurter allgemeine Zeitung. — 2013. — 31 Dez. (№ 303). — S. 2–4.

Информация об авторе

Попов Григорий Германович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, Московский технологический институт, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38-а, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Author

Popov, Gregory Germanovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Moscow Technology Institute, 38-a, Leninskiy prosp, Moscow, 119334, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Попов Г. Г. Экономика и демография «Кавказской войны» (ответ Уве Хальбаху) / Г. Г. Попов // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 3. — С. 587–622.

Reference to article

Popov G. G. Economy and demography of «Caucasian war» (answer to Uwe Halbach). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 587–622.